

и отсутствие всякой действительности были тождественны; кто занимается философией, тот необходимо протиснулся с действительностью и бродит в этом болезненном отчуждении от всякой естественной и духовной действительности, в каких-то фантастических, произвольных, небывалых мирах или вооружается против действительного мира и мнит, что своими призрачными силами он может разрушить его мощное существование, мнит, что в осуществлении конечных положений его конечного рассудка и конечных целей его конечного произвола заключается все благо человечества; и не знает, бедный, что действительный мир выше его жалкой и бессильной индивидуальности, не знает, что болезнь и зло заключаются не в действительности, а в нем самом, в его собственной отвлеченности; у него нет глаз для гармонии чудного божьего мира; он не способен понять истины и блаженства действительной жизни; конечный рассудок мешает ему видеть, что в жизни все прекрасно, все благо и что самые страдания в ней необходимы как очищение духа, как переход его от тьмы к свету, к просветлению. Да, призрачный человек не может сказать вместе с поэтом:

*«О, друг мой, искав изменяющихся благ,
Искав наслаждений минутных,
Ты верные блага утратил свои:
Ты жизнь презирать научился!
С сим гибельным чувством ужасен и свет!
Дай руку: близь верного друга
С природой и жизнью опять примиришь!
О, верь мне, прекрасна вселенна!
Все небо нам дало, мой друг, с бытием:
Все в жизни – к великому средство:
И горесть, и радость – все к цели одной:
Хвала жизнодавцу Зевесу!»¹*

Он не может этого сказать, потому что жизнь его есть ряд беспрестанных мучений, беспрестанных разочарований, борьба без выхода и без конца – и это внутреннее распадение, эта внутренняя разорванность есть необходимое следствие отвлеченности и призрачности конечного рассудка, для которого нет ничего конкретного и который превращает всякую жизнь в смерть. И еще раз повторяю: общая недоверчивость к философии весьма основательна, потому что то, что нам выдавали до сих пор за философию, разрушает человека вместо того, чтобы оживлять его, вместо того, чтобы образовать из него полезного и действительно полезного члена общества.

Начало этого зла скрывается в Реформации. Когда назначение папизма – заменить недостаток внутреннего центра внешним центром – кончилось, когда он потерял ту внутреннюю, чисто духовную силу, которою он сосредоточивал в себе столько разнородных элементов европейской жизни, тогда разрушилось это великолепное здание его безграничного могущества, и последняя мера его – индульгенция – была уже явным признаком разрушения. Реформация потрясла его авторитет, но вместе потрясла и всякий другой авторитет и дала повод к бесконечным исследованиям во всех сферах жизни. Сюда принадлежит возрождение эмпирических наук и философии. Эмпирические науки, ограниченные созерцанием конечного мира, мира, доступного конечности чувственного, внешнего и внутреннего, созерцания, быстро продвигались вперед и в короткое время ознаменовались блистательным успехом; но вне конечного мира лежала еще другая сфера, недоступная чувственному созерцанию, – сфера духа, абсолютного, безусловного, и эта сфера сделалась предметом философии. Пробужденный ум, освободившись от пеленок авторитета, не хотел более ничего принимать на веру и, отделившись от действительного мира и погрузившись в самого себя, захотел вывести все из самого себя, найти начало и основу знания в самом себе.

«Я мыслю, следовательно, я есмь».

Вот чем начала новая философия в лице Декарта; сомнение во всем сущем, опровержение всего, что до сих пор было известно и достоверно, не путем философского познания; вот чем должен был

¹ Жуковский В.А. Собр. соч. М.–Л., 1959. Т. 1. С. 214–215.